

Убеди Меня Жить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Prai'ns

Prai'ns

Убеди Меня Жить

«Автор»

2020

Prai'ns

Убеди Меня Жить / Prai'ns — «Автор», 2020

Студента второго курса на занятия провожает кортеж саудовского принца, а посреди пар забирает президентский конвой. Причину особой популярности расследует первокурсник. Содержит нецензурную брань.

© Prai'ns, 2020

© Автор, 2020

Prai'ns

Убеди Меня Жить

Пролог, или предисловие к настоящему действию

Тридцать первое августа! Последнее свободное воскресенье свободного человека. Владимир сидя на подоконнике с поджатыми коленями, приоткрыл окно, высунул туда голову и наслаждался наступившей прохладой осенних вечеров.

Этот вечер был для него особенным, по своему священным. Этот вечер, если бы не был таким важным, он провел бы в бессоннице, но в честь наступающего первого сентября – дня его освобождения; дня, что так ненавистен теми, кто не любит жизнь, – он был согласен отдохнуть и набраться сил.

Прохладный ветер бил в его ноздри, и сам Володя, не желая отпустить это прикосновение природы, вдыхал его и, будто бы желая держать его дольше внутри себя, задерживал дыхание, вплоть до того, что голова его начала кружиться. Он сам осознавая опасность подобного предприятия перед открытым окном, все же согласился, что такой подарок он еще успеет взять у приходящей природы. Он поспешно закрыл окно, поворачивая его ручку, удостоверяющую надежность, что alma mater* мира вновь не соблазнит своего героя. Спрыгнув с подоконника, он присел на кровать, что была подле него. Сложив руки на колени и свесив их между двумя ногами, он вновь погрузился в свои думы.

Первое сентября! Какое сладкое слово для абитуриента, поступившего в загородный вуз. Правда ведь даже не в том, что он ушел после девятого класса в колледж, а в том, что он поедет в общежитие! Его жизнь начинается сначала, и как будто пройдя испытательный срок, он был готов выйти на работу повседневности в полную силу.

Хотя в его чувствах и мелькали те скудные капли, что заставляют скучать по родным и близким, а так же горевать о возможном потерянном времени вместе с ними, он ни в коем случае не унывал. Он был рад встрече новому, он возжелал увидеть жизнь, каковой она может стать его силами, но не силами его семьи. Он хотел испытания, он хотел увидеть подножку жизни, и зная, что он ее спокойно перешагнет, продолжать идти.

Блаженна неискuschenная душа! Наивность – благословение глупцов. Володя еще не видел в своей жизни огромного горя. Он, подобно ребенку, лишь видел впереди счастье, и несмотря ни на что, был готов его разделить с кем бы то ни было. Поэтому сердце его, подогреваемое огнём нетерпения и ожидания, показывало человеческому взору восходящее солнце надежд и успеха впереди.

Раздумья юношеской души прервал легкий стук в дубовую дверцу комнаты нашего новопеченного студента. На улице стояло лишь семь вечера, и в подобную рань для сна неудивительно было представить себе, что кто-то из его родных захочет его потревожить. Володя, нисколько не двигаясь и не подавая признаков, что тот, рискуя жизнью во славу минутного счастья чуть ли не упал из окна, разрешил войти просящему.

Легким движением дверь отомкнулась, и рука, что была в своей женственности нежна и прекрасна, продолжала держать её ручку, задерживая дверь в том положении, что позволило иметь легкую щель для входящей девушки просунуть свою голову.

– Ужин готов! – мимолетно проговорила девушка и резко отпуская ручку двери, со смехом и легким топотом убежала вглубь коридора. Дверь же, по своему стандартному обычаю, поддалась законам физики и удачно стукнулась о соседнюю к ней стенку.

Легкая улыбка показалась на лице Владимира. Он уже привык к подобным играм от своей младшей сестры и, накануне своего отъезда, был очень рад увидеть вновь подобное проявление семейной любви. Он поднялся и, бросив легкий взгляд на окно, что совсем недавно служило центром его внимания, взялся за ручку двери и доведя её до щелчка, что позволял юноше убедиться в окончательной блокировке двери, ринулся вслед за убегающим посланником.

Пробежав пару шагов трусцой, он, внезапно даже для себя, умерил свою кипящую кровь и, переходя на шаг, осматривал место, где он провел всю свою жизнь. Вот уже через пару шагов он миновал комнату своей сестры, точно такого же размера, как и его собственная. Он приостановился, чтобы, возможно, в последний раз рассмотреть место, где он провел столько времени в дружеской, по настоящему родной любви со своей сестрой.

Открытая дверь нараспашку, расклеенная различными надписями и рисунками открывала взор на комнату, полностью завешанную постерами на одной стене, и разрисованную, обвешанную фотокарточками другой, к которой по совместительству примыкала кровать. Минуту назад спавшая улыбка вновь вернулась на лицо Владимира. Он вспомнил, как они вместе вешали эти постеры, как фотографировались на старый пленочный аппарат своих родителей и печатали эти фотографии, большинство из которых были больше сатирическими и комическими, чем документальными. Невольно улыбка переросла в печальную мину. Вот он, и так близко к нему портал, – тот, что возвращает радость в минуты печали и печаль в минуту радости. И сейчас, возвысившись над грустью, она вновь поглощает его обратно. Он хотел было зайти внутрь, но случайно заметив лицо, с которого уже упала та импульсивная улыбка, что всегда была присуща его сестре, он повернулся к ней лицом. Её взгляд выражал всё в точности то же самое, что и хотел бы выразить словами Владимир. Она молчала, но молчала так красноречиво, что брат, верный ей по долгу жизни, всё понял. Без всяких слов он раскрыл ей свои объятия, и младшая сестра удачно врезалась в грудь своего брата, примыкая к ней так сильно, насколько могла бы, лишь бы скрыть свои слезы.

Простояв так некоторое время, пока другой голос, более женственный и в своем тоне мягкий, не известил уже известную им новость и не настоял на спешке, они отцепились друг от друга, взглянув в свои глаза.

– Ты меня не бросишь? – утирая слезу, что покатила с ее глаз после этих слов, проговорила сестра

– Ни за что на свете, – с настоящей уверенностью и болью в своей молодой душе ответил брат

Хотя этих слов было мало, но их было достаточно для того, чтобы вселить малейшую надежду в сердце девушки. Она бросила последний взгляд на брата, – уже более счастливый, чем был прежде, – и взяв его за руку, вновь обретя резвый вид, потянула его на кухню.

Огинув гостиную и спальню родителей, они свернули в сторону кухни, где уже всюю поджидали их родители. Отец семейства, усевшийся во главе стола, о чем-то шепотом общался с хранительницей очага, что вальяжно присевшая на колени своего мужа, с пламенным взглядом смотрела в его глаза. Стол был накрыт, и как только дети оказались в зоне видимости своих родителей, те знаком позвали их к ужину.

– Какие вы медлительные! – с саркастическим упреком заявила мать семейства, поднявшись с импровизированного стула, и воткнув руки в бока, продолжила. – Алиса! Я ведь про-сила тебя привести его!

– Все в порядке, матушка, – раскинув улыбку до ушей, Володя подмигнул своей сестре, – я попросил ее показать наши совместные фотокарточки. Она обещала дать мне несколько в дорогу!

Алиса открыто улыбнулась своему брату, удивляясь, что тот буквально прочитал ее мысли.

– Ах! Садитесь же скорее за стол, – с небольшим раздражением, будто бы спеша, проговорил глава семейства, – мать сегодня отлично постаралась для нас!

Через несколько мгновений, наконец усевшись и спешно принявшись за пищу, ребята не заметили, как их мать неожиданно пропала с поля зрения. Через несколько секунд кухню озарила темнота. Свет, что так ярко служил им в повседневной жизни, пропал, а в коридоре, ведущем в гостиную, загорелись свечи.

Через пару мгновений в их свете можно было заметить лицо матери, что несла шоколадный в своей оболочке торт.

Взгляд Владимира был прикован к этому торту, изредка спадая на лицо матери, но в конце концов возвращающийся обратно на торт. Он был счастлив получить подобный сюрприз, но и одновременно с этим для него это было чем-то необычным, переходным. Как ему бы больше не хотелось оставить эту дату праздной только для себя, оставить семейный ритуализм, – все оказалось тщетно.

В следующий миг в комнате вновь появился свет. Члены семьи, дружные в своей улыбке, что были натянуты вдоль до ушей, были направлены на героя сегодняшнего вечера.

– Сынок... – дотянувшись и схватившись за ладонь Владимира проговорил отец семейства. – Не нам тебе напоминать, что произойдет завтра. Не нам знать, что будет послезавтра. Независимо от того, что произойдет, мы бы хотели, чтобы ты помнил одно простое правило: пока ты нас помнишь, мы всегда рядом с тобой. Самостоятельная жизнь тяжела, и в минуты печали, если они у тебя и будут, помни, даже если ты один, ты никогда не будешь одинок.

Заканчивая свою речь, отец направил свой взгляд на сына, и несмотря на все необычное состояние, Владимир все же пропитался этой отцовской любовью и нежностью, что так ласково преподнесли ему. В этот момент он наконец окончательно вспомнил, что не только он есть у семьи – семья есть и у него.

Отужинав тортом, и поблагодарившие мать, семейство нежно распрощалось и все же отправилось на покой. Когда все уже давно разлеглись по постелям, и казалось бы, родительский храп можно было бы услышать не только в их квартире, но и во всем этаже, Владимир изменил своему обещанию.

Заснуть он так и не смог.

Комментарий к Пролог, или предисловие к настоящему действию

Alma mater* (лат. *alma mater* – буквально по-русски «кормящая мать» или «мать-кормилица») – старинное неформальное название учебных заведений, обычно университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование, как организаций, питающих духовно.

Глава первая, или действие, в котором человек видит лишь то, чего хочет видеть сам

Солнечный блик бил в зеркало, отражаясь об стекло, и, подобно посыльному, что хотел пробудить дремлющего от его бесконечного сна, пришел лишь на мгновение и молниеносно покинул его, оставив после себя место для совершенного другого луча. Удивительно, как солнце сопровождает нас во всех людских начинаниях! Подобно небу, оно всегда преследует счастье, но, хотя оно и всегда с нами, ночью её заменяет луна.

Владимир, опираясь на окно, что и служило приемником для проходящих мимо солнечных лучей, старался подремать. На улице стояло раннее утро, и машина, что велась под руководством главы семейства, безостановочно следовала дороге.

На переднем сидении автомобиля располагалась в компании с водителем мать семейства, что в отличии от Володи, сама находилась в легком волнении и то и дело каждые полчаса оборачивалась назад, всматриваясь, спит ли её столь важное в этот день чадо. Вот и сейчас, уже в несчетный раз, она, тихо и скрытно просунула голову между двумя креслами, и, убедившись, что её сын храпит, или, как минимум, старается храпеть, успокоенно вернулась в исходную позицию, вернув свой взгляд на шоссе.

– Ведь так быстро, не правда ли? – завела разговор она, сложив руки друг на друга. – Ведь еще вчера носили его на руках!

Отец семейства не сразу догадался, что вопрос был направлен ему. Устремленный свои мысли на дорогу, тот погружался в собственные раздумия, и лишь когда вопрос был повторён, он отреагировал:

– Да, правда, – угрюмо, будто не желая разговаривать, ответил тот, – но меня больше волнует оплата его обучения, и знаешь, скорее то, что произойдет там с ним дальше. Ведь мы даже не знакомы с местом, где он проведёт свои следующие три года.

– Полноте! – с нескрываемым раздражением ответила жена. – Разве требуется ли нам знать больше того, чем он нам сказал?

После такого резкого выпада между супругами повисла томная пауза. Отец семейства угрюмо вздохнув положил руку на рычаг линии передач. Жена, что во время продолжительного брака уже давно обучилась понимать своего мужа без слов, – ведь тот если молчал, то молчал так красноречиво! – положила свою ладонь поверх его.

– Не будь в обиде на меня! – самым нежнейшим голоском начала она. – Это правда, и нам от неё не убежать. Он взрослеет. Он начинает идти своими шагами, и наше дело уже не поддерживать его, когда он будет падать, но оттряхивать от грязи, когда он придет к нам залитый слезами.

Тот ещё раз вздохнул, но уже не с той чувствительной ноткой угрюмости, но с настоящей болью, будто бы выливал ту банку, что так долго копила в его душе. Он взглянул на свою супругу, мимолетно, чтобы не отвлекаться от дороги, но взглянул так, как смотрел Цезарь на своего милейшего сына Брута. Дальнейший путь они молчали, но между ними больше не оставалось никаких вопросов.

Как читатель возможно уже понял, каждый из родителей болел о своем. Безусловно, каждый из них хотел лучшего для своих детей, вопрос лишь в том, с какого пути они хотели зайти за этим счастьем. И лишь мать, следуя принципам великих классиков, училась понимать, что каждый сам выбирает путь к своему счастью. И независимо от того, будет ли он правильным, момент, когда её сын сможет выбрать его сам для нее был более священный. Когда отец семейства, более рациональный и прагматичный, желал для него своего счастья.

***

Через полтора часа они оказались на подъезде в обетованный город. Шоссе оказалось удивительно пустынным, и хотя никакой помехи не было, маловероятно, что даже она могла бы остановить этот сизифов камень от наступления к точке назначения. Как только столб с надписью города известил о том, что они оказались в его пределах, сестра, – что, кстати, тоже участвует в отъезде, – поспешила потревожить бесконечный на протяжении всей поездки покой своего брата, и, с криками радости, безостановочно барабанила ладонью по его плечу. Брат, что безусловно, не сильно был обрадован таким происшествием, сначала, подобно любой соне, не сильно осознавал, что происходит вокруг него. Лишь тогда, когда полное осознание пришло с отступлением дремоты. Он, подобно сестре, тоже заразился энтузиазмом, и быстро приведя себя в презентабельное состояние, сел на кресло со смиренной осанкой.

Мать семейства безмолвно оглянула своих чад с повисшей на губах радостной улыбкой. Те, в свою очередь, не стеснялись озарить ею её в ответ. Лишь когда оба ребенка осознали, что они находятся в чужом, доселе незнакомом им городе, они очутились от своей познавательной дремоты, и прильнули к окнам автомобиля, каждый к своему. Наблюдая за уходящими величавыми зданиями, что, конечно же, не были так высоки фундаментом и прекрасны архитектурой, они невольно испытывали удивление. Способность удивляться – благословение детей! И пусть этот город никак не мог сравниться ни в какой стезе с тем, в котором они проживали, само обстоятельство, возможность увидеть чего-то нового воистину их радовало.

– Мы почти приехали, – с нескрываемой печалью заявил отец семейства, – через пару минут мы высадим тебя, а сами, как договаривались, поедем завезем твои вещи в общежитие

– Хорошо! – с нескрываемой радостью заявил Владимир. – Значит, не пройдет и полудня, как мы вновь увидимся.

План на день у нашего героя был довольно прост. Первое сентября, как день, что номинально обозначал собою праздник, был безусловно простым днем представления для поступивших абитуриентов. По программе дня, что им заблаговременно выслал куратор его новой группы, они должны были лишь присутствовать на традиционных мероприятиях, и в их конец,

ознакомиться со всеми постулатами и догматами учебного заведения, что были бы им пригодны в их обучении.

Уже через несколько мгновений они оказались перед явным местом действий. Огромное круглоподобное здание с не менее величавой вывеской, утверждающей, что здание принадлежит в обиходе ледового дворца судя по всему должно было служить местом проведения всех торжественных мероприятий, что были подготовлены своим новым студентам учебным заведением.

Если бы герои нашего повествования прибыли бы в это место получасом ранее, они бы застали его битком забитым молодежью, что, разделившись во мнениях о важности этого мероприятия, были в спешке и в медлительности одновременно. Владимир, что, было, только осознал свой поздний приход, хотел подстегнуть своего водителя к спешке, когда тот, остановившись на минуту в проезжей части, и, моментально обернувшись в сторону своего подопечного, бросил последний, прощальный взгляд. Выскакивая из машины, он на ходу махал в уход своим родственникам, про которых, в дальнейшем, он больше не услышит.

Так как он был высажен прямо напротив парадного входа внутрь ледовый дворец, он, нисколько не замедляя свой ход от своего рвения, рысью направился в сторону входа. Магические двери, своеобразный подарок нового века и электричества, раскрылись пред ним, и, уточнив у охранника требуемое ему направление, устремился напрямик в зрительный зал.

Оставим на время героя нашего повествования, что, в чрезмерной спешке, в конце концов затеряется в толпе зрителей, нагромождающих бесконечные ряды трибун, и придем к обратной стороне описываемого нами мероприятия.

Локационно ледовая арена представляла собою две зоны, где одна была предоставлена зрителям, а вторая была в полной распоряжении участников игр. Но, так как само место отныне принадлежало ни в коем случае не хоккеистам или иным представителям ледового спорта, а студентам и преподавателям института, что занимались организацией торжества новоприбывших.

В параллельно описываемые нами мгновения, когда Владимир в спешке искал себе место преткновения, в одной из раздевалок арены, где располагались студенты-старшекурсники, что возжелали участвовать в организационной деятельности своей матери обучения, на одной из множества скамеек этого убранства располагался парень. Хотя он ничем броским в глаза не выделялся, был в стандартном для такого мероприятия занятии, а именно серым костюмом с белой рубашкой под ней, а так же черными туфлями, все-же при более медлительном рассмотрении этого персонажа был тот факт, что привлек бы внимание любого, а именно то, что несмотря на всю радостную и веселую суматоху мероприятия, где каждый из студентов стремился получить удовольствие в компании своих друзей и товарищей, он был в полном одиночестве. Подобно необычному идолу, скамейка, что он занимал, была полностью пуста, а люди будто сторонились его, все, будто на подсознательном уровне стремились избегать не только зрительного, но и всякого любого контакта с ним.

Казалось бы, что и сам описываемый нами персонаж никак не противился подобному эффекту, а напротив, будто поддерживая и получая удовольствие от этой апатичной ауры, он смотрел в стену напротив себя. Безусловно, тяжело было утверждать, что его настоящий взор был направлен именно на эту осмысленную грудку бетона, но любой малейший знаток людей

определил бы, что мысли его находились далеко от этого мероприятия, и возможно даже, в особой дали от людей тоже.

Хотя и можно было бы ввести себя в заблуждение, что этот человек был полностью далек от мира, углубленный в свои мысли настолько, что не имел никакой реакции на любые ее раздражители, легко было доказать, что, хотя и внутренний взор его был далеко от этого места, его тело продолжало всё видеть. А доказательством подобного для нашего читателя станет необычное действие описываемого нами персонажа.

В один миг он распрямил свои руки в лопатках, сбрасывая свой приятно-серый пиджак, оставляя поверх себя лишь доведенную до белизны рубашку. Через ещё одну секунду к нему приблизился высокий молодой человек в зеленой футболке, надетой поверх подобном одеянии, но уже более темноватого цвета. Молча, объясняясь лишь взорами, он протянул нашему персонажу подобную футболку, но уже кроваво-алого цвета. Тот, нисколько не применив терпением своего тихого собеседника, одел поверх собственной рубашки предоставленную ему футболку, одновременно поднимаясь со скамейки и оставляя на крючке напротив него, – что были прибиты к стене, – собственный пиджак.

– На балкон? – флегматично спросил новоиспеченный парень в алой футболке.

– Да, – лениво ответил тот, – потом возвращаемся, и, как было указано, ждем награждения.

Молчаливо кивнув, двое студентов отправились вон из раздевалки. После их ухода некоторые из стоящих личностей хотели было присесть на освободившуюся скамейку, но, приметив висящий пиджак, молниеносно переменили свое мнение.

Вскоре, забравшись по винтовой лестнице, что была защищена дверью с магнитным замком, они оказались на техническом этаже, что в своих бесконечных проходах вели либо в бухгалтерию, либо на балкон. Хотя необычных эмоций можно было бы получить и в бухгалтерии – сама высота балкона ледовой арены впечатлила находившихся на ней студентов.

Было бы огромной ошибкой не предоставить читателю тот факт, что наш конвой прибыл на балкон в полном одиночестве. Хотя путь и был проделан только ими двумя, уже в выбранной ими точке назначения находилась группа подобных им студентов в количестве трех человек.

Сам балкон, огороженный перекладинами, что представляли собою полноценную полустенку, выходил напрямиком в сторону зрительных трибун. На перекладине расположилось огромное полотно, что, находясь на службе у образовательной организации, представляло собою ее необычное знамя.

Наши компаньоны, наблюдая за расстановкой уже находившимися на балконе студентов, расположились в конце локации.

– Прямо как репетировали, – не изменяя своей ленивой речи, проговорил молодой человек в зеленой футболке, – выкидываем флаг по условному сигналу.

Хотя торжество и не было в самом разгаре, было довольно любопытно наблюдать за его окончанием. Согласно плану мероприятия, на льду арены группа студентов артистического направления должны были маршировать под гимн Российской Федерации, а, под его оконча-

ние, выйти со льда напрямиком к раздевалкам, что уже заслужили название прибежища студентов. Естественно, в апофеоз данного мероприятия, наши персонажи, совместно с иной группой студентов должны были спустить флаг образовательной организации.

– Антон, а ты как думаешь? – отрываясь от разговора с группой, спросил парень в зеленой футболке.

Парень в алой футболке, что открылся нам как Антон, сначала, казалось бы, опешил от такого неожиданного вступления в диалог. Было очевидно, что ни в одной из своих мыслей он не подозревал о том, что с ним могут войт и в разговор.

– Прости? – будто бы отрываясь от сна, спросил тот. – Я не очень понял твой вопрос.

– Мы с ребятами только что обсуждали прошедшие выборы, – с необычным для этого человека энтузиазмом сказал он, – и все знают, что и ты приложил к ним свою руку. Кристина считает, что выборы фальсифицированы, когда Гоша же заявляет, что все кристально честно. Откроешь нам правду?

Антон, слегка опешив от такого вопроса, сначала задумался о том, следует ли ему отвечать вообще, но, плюнув на любые приличия, заявил:

– В конце концов, какое это имеет значения? – в грубой дерзости заявил он, – что бы ни выбрал народ, он никогда не будет прав. Посмотри на население нашей страны! Одни – дебилы, алкоголики и наркоманы, другие – честолюбцы и продажные скоты. Скажи мне, если мнение этих людей будет учитываться в должной мере, как с мнением мудрецов и настоящих – настоящих! – людей, будет ли оно иметь какое-либо значение? В конце-концов грязи всегда будет больше.

Держать минуту молчания настала очередь его собеседника. Тот, не ожидав подобной реакции от своего необычного товарища, хотел было начать широкую полемику, но, просчитав в своей голове дальнейшую атаку и стратегию обороны дискуссии, тот хотел было сплюнуть, но, вспомнив, что он на балконе, просто заявил:

– Умеешь ты испортить любую дискуссию, – и, переходя к разговору с компанией, добавил, пробурчав себе под нос, – умник хренов...

Антон вновь погрузился в собственные мысли, уводя свой взгляд вдаль от этих скучных стен. Мероприятие продолжалось без каких-либо особенных прецедентов, – флаг был сброшен, студенты представили свои таланты, временами вызывая бурные овации или гробовое молчание.

Тем временем в параллельной части зала, отсеченной, подобно острым и точным ножом, льдом, Владимир уже вовсю знакомился со своими будущими однокурсниками. Место у него было самое удобное, какое он мог себе представить – самое среднее место средней трибуны. С этой точки обзора ему казалось, будто бы совсем ничего не ускользнет от его взора.

По правую и левую руку от него были расположены его новые знакомые. Один, что был по левую сторону от него, был худощав и высок, когда другой по правую был низок и громоздок. Звали же их Кирилл и Семён.

Как бы они не были различны, но правдой оказалось то, что оба они были братьями. Находясь в оралии от ожидания новых знакомств, сразу увидав Владимира они расступили место между ними двумя, желая каждый о своем расспросить их нового друга.

Владимир же не был против такому обстоятельству. Уже свыкнув к такой физиологической разнице между двумя его новыми знакомыми, он смог себе подметить, насколько они равны в своих противоположностях. Когда Кирилл, в своей худощавости, и, выразимся так – «длинности», был холеричного и импульсивного нрава, такого, что достигал своего пусть стена стоит перед ним, и такого, что сначала говорил, а потом думал, что у него вылетело с языка, то брат его – Семён – хотя и был массивен и громоздок, отличался от своего брата чрезмерной флегматичностью и инертностью. Сами же братья успели признаться Володе, что, хотя выйти сухим из воды во время конфликта легче всего могло бы получиться у Семёна, катализатором его всегда становился Кирилл.

– Он у меня подобно тюленю, – с истым оптимизмом делился тот, – самый неконфликтный и терпеливый человек, которого можно себе представить.

– Был бы ты таким! – с упреком заявил Семен, и, сложив руки на груди, пробормотал вполголоса. – Было бы проблем меньше...

– Да! Вот теперь и мы знакомы, – поправив свои очки, и, легко шмыгнув носом, сказал Кирилл, – кажется, будто бы ты уже все знаешь о нас!

– Кирилл! – влетел на своего брата Семён. – Что за ересь ты говоришь! Как же человек после минуты разговора уже может знать нас лучше нас самих?

– Я образно, дурак! – отпрянув от своего брата, тот вновь устремил взор на Владимира. – Расскажи же что-нибудь о себе!

Владимир уже было хотел рот, припоминая в своем воображении подобные сцены и речь, которую он бы при них произносил, но тут, словно гром, голос ведущего заявил о награждении

– Подожди! – вздрогнув, казалось бы, нисколько не от страха или неожиданности, а от чистейшего наслаждения, сказал Кирилл. – ещё успеем посплетничать! Давай наслаждаться шоу.

Семен же, отреагировав более инертно чем его брат, медленно потянулся в карман за своим смартфоном, с явным намерением записывать происходящее.

Зрелище было унылое. Студенты выходили на лед, получая грамоты из рук ректора университета, и, становившись на красный ковер, что был постелен на лёд, красовались в своих парадных костюмах.

Когда Владимир хотел было уже засыпать от тоски такого представления, на лёд вышел парень в сером костюме. Толпа, что уже стояла на красном ковре, была настолько массивна, что перекрывала вход награждаемого к выдаче награды, и тому пришлось её обходить. Завернув за поворот, он, казалось бы, был совершенно спокоен, хотя дух и настроение были его в приподнятом состоянии, уже через пару секунд он лежал на льду.

Подскользнувшись после поворота, и, ударившись о лёд настолько, что зрителям казалось, будто бы на льду осталась трещина, трибуны вскричали. Кто от сожаления, кто смеялся – букет чувств был обеспечен. Сам же студент, поднявшись, и, слегка отряхнувшись, – будто бы после льда на его костюме что-то могло бы и остаться – подошел к ректору, что сам в своей

несдерживаемой улыбке был готов разразиться неистовым смехом, пожал ему руку, и, забрав грамоту, присоединился к сомну награждаемых.

Лицо Кирилла в этот момент побледнело. Тот, подобно переживал это обстоятельство сам, было готов был потерять сознание, но ограничился лишь тем, что изобразил шокированную гримасу, что не могла бы не напугать ни одно неподготовленное лицо

Владимир хотел было спросить, в порядке ли он, когда его брат, завопив от смеха, и, покраснев, кричал:

– Я заснял! – словно открывший Эльдorado исследователь, вопил он счастливо. – Я заснял это!

Кирилл, опомнившись, посмотрел на своего брата с легким упреком, но, в конце концов, решивший не начинать лишних конфликтов, разлегся на своем сиденье настолько, насколько позволяли его длинные ноги.

После награждения студентов следовало торжественное окончание мероприятия, и хотя и было оно своего рода примечательным, в нем больше не было ничего такого, что могло бы привлечь внимание публики, как это громкое падение.

Владимир же не обращал внимание на происходящее на сцене, его мысли, казалось бы, донимала совершенная иная проблема, может быть, обстоятельство, и лишь когда Кирилл дернул его за плечо, предупреждая, что им пора двигаться в кампус колледжа, он направился к выходу.

Глава вторая, или же его печальное письмо

Безумный день! Единственное описание, на которое был способен Владимир. Он второпях поднимался по короткой лестнице, и, взойдя на второй этаж, вышел в, казалось бы, бесконечный коридор дверей. Хотя он и не стремился исследовать их все, его путь лежал в абсолютном отдалении от лестничной клетки. Медленным бегом, или же быстрым шагом он направился по левую сторону направления коридора. Длинное пальто, что достигало почти до его колен, волочилось в темпе его шага, а черные берцы в своей невероятной тяжести отдавали громкий отзвук по мягковатому полу этажа. Он был абсолютно взбудоражен, в некоторой мере шокирован. Его лицо, вновь приобретшее краски после недавней бледности, издавало инициативность и готовность смешивающуюся в усталости и, в конце концов, выражающуюся в желание и немедленную его исполнительность отойти ко сну. Наконец опешив, приостановив свое рвение, что всегда была свойственна молодой крови, он пошел медленным шагом, перебарывая в себе скорейшее желание дойти до точки своего назначения и боязнь потревожить отошедших ко сну в комнатах, что он миновал. В конце концов второе превознеслось над первым, и тот, обретя полное спокойствие, и, казалось бы, в определенной степени победив свою расторопность и спешность, приобрел более смирную походку с ослабленными чертами лица. Наконец, добравшись до последней двери в коридоре, после которой был лишь тупик, в стене которого зияло окно, он повернулся к нею лицом. Дверь, что не была примечательной, была сделана из дуба, а на ее вершине знаменовалась табличка с примечательным номером – 205.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.